

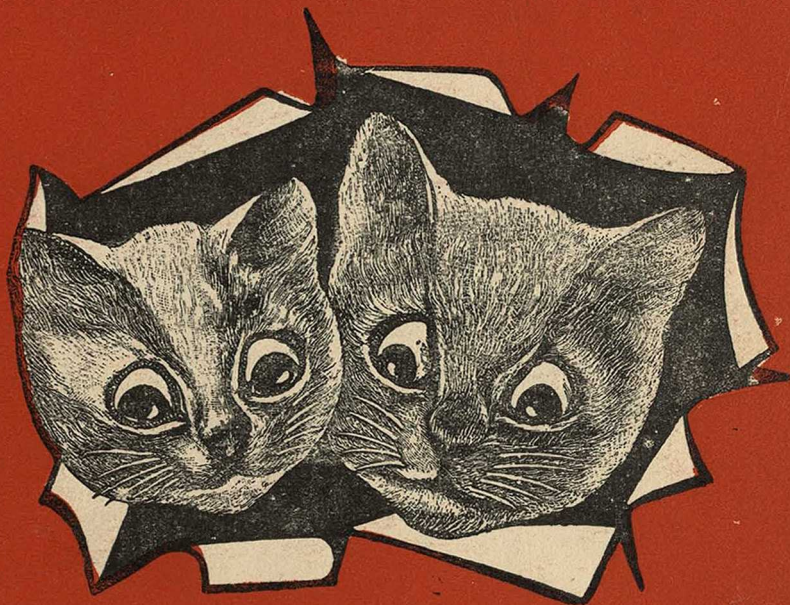
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Годъ изданія шестой.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЪ КОСТРОМСКИХЪ ЛѢСАХЪ
СКОРО ВЕСНА!
ДВѢ СИРОТКИ (повѣсть).
ВЪ РОЩѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Поѣздъ желѣзной дороги—для

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Московскій Кремль.

ВЪ КОСТРОМСКИХЪ ЛѢСАХЪ.

Въ январѣ, 1613 года все населеніе села Домнина было взволновано радостной вѣстью: изъ Москвы неожиданно пріѣхалъ Богданъ Собининъ, который сражался тамъ съ поляками, и каждый старался поскорѣ повидаться съ нимъ и разспросить его о подробностяхъ. Вся Русь давно уже утомилась отъ неурядицъ смутнаго времени, всѣмъ давно уже надоѣли грабежи и разбой и хотѣлось успокоенія. Уже нѣсколько лѣтъ, какъ русскій престолъ переходилъ изъ рукъ въ руки и наконецъ Русь осталась

вовсе безъ царя. Начались смуты. Не было твердой власти, которая управляла-бы страной, и вся русская земля запустѣла. Повсюду бродили шайки разбойниковъ, которые грабили населеніе, и некому было ихъ унять. Никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ и многіе жители побросали свои насиженные гнѣзда и убѣжали въ дремучіе лѣса.

— „Авось бѣда скоро пройдетъ“! думали они.

Но она не проходила, а разросталась все шире и шире. Въ до-

вершеніе бѣды польскій король Сигизмундъ рѣшилъ посадить на русскій престолъ своего сына Владислава и присоединить Россію къ Польшѣ. Поляки явились въ Москву и заняли Кремль. Началось въ Россіи хозяйничанье иноземцевъ. Это еще болѣе угнетало русскихъ, но, не имѣя у себя твердой власти, не зная, на кого положиться, они должны были, скрѣпя сердце, ждать лучшаго времени или счастливаго случая. Это униженіе казалось имъ невыносимымъ. Нашлись люди, которые стали дѣйствовать. Рязанскій воевода Ляпуновъ собралъ ополченіе и пошелъ съ нимъ освобождать Москву. Поляки заперлись въ Кремль, куда захватили съ собой и молодого боярина Михаила Романова съ матерью инокиней Марою. Дѣло Ляпунова не удалось: онъ былъ убитъ и поляки попрежнему оставались хозяевами Москвы. Тогда настоятель Троицкаго монастыря, находящагося въ 60-ти верстахъ отъ Москвы, архимандритъ Діонисій сталъ разсылать по всей Руси воззванія къ народу, приглашая его взяться за оружіе и очистить русскую землю отъ враговъ. Благодаря этимъ воззваніямъ, возбужденіе народа возрасло до крайней степени и вездѣ стало обнаруживаться горячее желаніе поскорѣе освободиться отъ поляковъ и выбрать своего законнаго русскаго царя.

Одна изъ такихъ грамотъ попала въ Нижній-Новгородъ и произвела тамъ дѣйствіе искры, брошенной въ порохъ. Всѣ сразу вспыхнули, какъ одинъ человекъ. Какъ бурное море, зашумѣлъ и заволновался народъ на городской площади. Бояре и простые крестьяне ринулись къ лобному мѣсту.

— Вотъ онъ! Вотъ онъ! вдругъ послышались голоса и взоры всѣхъ обратились на простаго торговца, всходившаго на лобное мѣсто. — Тише! Слушайте, что онъ будетъ сейчасъ говорить!

Торговецъ снялъ шапку, поклонился на всѣ четыре стороны и поднялъ руку. Всѣ сразу умолкли. Глухой говоръ безчисленнаго народа прекратился вдругъ, точно по уговору.

— Это Козьма Мининъ! послышались отдѣльныя восклицанія. — Слушайте, что онъ будетъ говорить!

Но тотчасъ-же смолкли и они.

— Граждане нижегородскіе! началъ Мининъ. — Кто изъ васъ не видалъ всѣхъ бѣдствій царства русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи нигде нѣтъ. Отвѣтьте-же мнѣ, граждане, потерпимъ-ли мы, чтобы наша столица Москва повиновалась польскимъ войскамъ? Предадимъ-ли на попираніе Московскія святыни?

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали тысячи голосовъ. — Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!

— Граждане и братья! продол-

жалъ Мининъ.— Неужели-же, готовясь умереть за родину, мы пожалѣемъ свои имущества? Вѣдь войска наши, отправляющіяся къ Москвѣ, надо кормить и содержать. Отдадимъ-же для нихъ все наше золото и серебро, а если мало, то продадимъ все имущество, заложимъ нашихъ женъ и дѣтей! Всѣ мы, вся наша кровь—принадлежитъ родинѣ нашей.

— Умремъ за родину! закричали нижегородцы.— Умремъ за святую Русь!

Въ эту минуту распахнулись двери соборнаго храма и архимандритъ Θεодосій, въ сопровожденіи духовенства, въ полномъ облаченіи и съ крестнымъ ходомъ вышелъ на площадь къ народу. Раздался громкій колокольный звонъ. Священники запѣли. Народъ палъ ницъ, многіе зарыдали.

— Съ нами Богъ! возгласилъ архимандритъ.— Богъ за насъ, кто противъ насъ?

И при взглядѣ на народъ, дѣйствительно казалось, что противъ него въ эту минуту не устоялъ бы никто.

Нижегородцы заспѣшили, засуетились. Каждый торопился отдать поскорѣе на общее дѣло все, что имѣлъ; блеснуло оружіе, застучали мечи о щиты и подъ командой князя Пожарскаго ополченіе выступило въ Москву.

Съ лихорадочнымъ интересомъ вся Русь стала слѣдить за каж-

дымъ движеніемъ, за каждымъ дѣйствіемъ своего полководца. Всѣ желали ему побѣды. Но желанныя вѣсти не скоро доходили до тѣхъ, кто ихъ такъ нетерпѣливо и алчно ожидалъ. Въ далекой глуши никто не зналъ ничего. Всѣмъ было извѣстно, что Пожарскій ушелъ подъ Москву сражаться за освобожденіе родины, всѣ послали ему въ свое время помощь и людьми и деньгами, но чѣмъ кончился этотъ походъ, побѣдилъ-ли Пожарскій, или былъ самъ побѣжденъ,—объ этомъ доходили туманные, разнорѣчивые слухи, которымъ не довѣрялъ вполнѣ никто.

Поэтому понятно то радостное возбужденіе крестьянъ далекаго Костромскаго села Домнина, когда вдругъ разнеслась вѣсть, что вернулся съ похода Богданъ Собининъ, который ходилъ вмѣстѣ съ Пожарскимъ на освобожденіе Москвы. Онъ былъ желаннымъ гостемъ у себя въ селѣ. Кромѣ односельчанъ, его ожидала еще его невѣста—Антонида, дочь Ивана Сусанина, на которой онъ не успѣлъ повѣнчаться передъ отправленіемъ въ походъ. Она ждала его, считая дни и часы, и долгіе вечера просиживала со своимъ названнымъ братишкой, приемышемъ Ваней, разговаривая о немъ и о Москвѣ. Оба мечтали. При разговорахъ о родинѣ, объ ополченіи, отправившемся на выручку Москвы, у мальчика загорались глаза какимъ-то

особеннымъ блескомъ и ему и самому хотѣлось вскочить на коня, схватить мечъ и щитъ и помчаться вслѣдъ за ополченіемъ въ Москву.

— Ахъ, зачѣмъ я еще маленькій! съ грустью вздыхалъ онъ. — Зачѣмъ я еще не выросъ!

Выходилъ изъ-за перегородки Иванъ Сусанинъ и глядя на дѣтей, ласково имъ улыбался и гладил Ваню по головѣ.

— Ничего, старался онъ ободрить приемыша. — Скоро подросешь и ты!.. Тогда я снаряжу тебя конемъ, ты надѣнешь на себя мѣдную шапку, возьмешь въ руку мечъ и поѣдешь на царскую службу! Вотъ только бѣда, что овладѣли нашей родиной враги!..

Онъ хотѣлъ продолжать, какъ вдругъ съ надворья послышались голоса:

— Богданъ, Богданъ возвратися! Братцы, Богданъ Собининъ вернулся изъ-подъ Москвы!

И Сусанинъ, и Ваня, и невѣста-Антонида вздрогнули и тотчасъ же, не помня себя отъ радости и не вѣря своимъ ушамъ, бросились на улицу.

Да, это дѣйствительно былъ онъ, ихъ Богданъ! Какъ онъ возмужалъ, какимъ храбрецомъ выглядывалъ теперь этотъ когда-то простой деревенскій паренъ! Теперь на немъ были шлемъ и кольчуга, у его бедра виднѣлся мечъ, а за спиною висѣло длинное пороховое

ружьѣ. Какая-то новая радость свѣтилась у него въ глазахъ и была разлита по всему загорѣвшему лицу. Видно было, что къ радости свиданія съ родными и знакомыми примѣшивалась въ немъ еще и другая радость, по какому-то другому поводу, о которомъ онъ еще скрывалъ.

— Ну, здравствуй! Здравствуй! послышались голоса.

Начались объятія, поцѣлуи, разспросы. Онъ говорилъ и всѣмъ казалось, что онъ сталъ другимъ человѣкомъ, и не могли наглядѣться на своего героя. Ваня схватилъ его за руку повисъ на ней и жадно ловилъ каждое его слово. Его слова казались ему музыкой, такой сладкой, какой онъ не слышалъ еще ни разу въ жизни, и ему хотѣлось задавать Богдану вопросы и слушать, слушать его безъ конца.

— Ну, расскажи, упрасивалъ онъ, — расскажи еще разъ, какъ вы сражались подъ Москвой?

И въ который уже разъ Собининъ долженъ былъ повторять все одно и то-же.

— Подойдя къ Москвѣ, говорилъ онъ, мы съ часу на часъ ожидали сраженія, но поляки сидѣли, запершись въ Кремль, и не выходили. Нашъ бояринъ Михаилъ Романовъ съ матерью все еще находились у нихъ въ плѣну. Поляки не хотѣли ихъ выпускать. Но мы оцѣпили всю Москву кольцомъ и пре-

кратили подвозъ къ ней всякаго продовольствія. Тогда они рѣшили сдѣлать вылазку. Мы стояли у Арбатскихъ воротъ, какъ вдругъ услышали пушечные выстрѣлы. Вся окрестность дрогнула. Поднялись клубы дыма и мы скоро увидели, что на насъ несется цѣлый полкъ поляковъ. Мы тоже грянули изъ пушекъ, Завязался отчаянный бой. Мы врѣзались въ самую средину непріятеля. Упорный бой продолжался до шестого часа пополудни. Потерявъ почти половину своего войска, поляки бѣжали обратно въ городъ и снова заперлись въ Кремлѣ. Тогда мы осадили ихъ со всѣхъ сторонъ. Цѣлые два мѣсяца продолжалась эта осада, и наконецъ, изнуренные голодомъ, поляки рѣшили сдаться въ плѣнъ. Если-бы вы знали, братцы, какъ они отощали и обносились за время осады! Было жалко на нихъ смотрѣть! Рано утромъ, съ восходомъ солнца, они вышли изъ Кремля двумя толпами. Они походили больше на мертвецовъ, чѣмъ на живыхъ людей.

— Ишь ты!.. вставляли въ рассказъ Богдана мужики. — Поди, и имъ то-же не сладко пришлось!.. Тоже вѣдь—люди... Жалко и ихъ!..

— Да, они, конечно, не причемъ, отвѣчалъ имъ Богданъ.—Все это ихъ жадный король Сигизмундъ! Захотѣлъ завладѣть нашей Москвой, ну — и послалъ ихъ туда умирать!.. Но только—что они

вышли изъ Кремля, какъ все наше войско черезъ Спасскія ворота двинулось въ Кремль.—„Здравствуй, матушка Москва, золотая глава!“ воскликнули мы всѣ разомъ. Впереди насъ ѣхалъ на конѣ князь Пожарскій, окруженный свитою и начальниками, а впереди всѣхъ насъ шель крестный ходъ. Вслѣдъ за нами хлынули въ Кремль безчисленные толпы народа; раздался громкій благовѣстъ; духовенство, начальники, именитые граждане взопли въ Успенскій соборъ и всѣ въ одинъ голосъ радостно запѣли: „Тебѣ Бога хвалимъ!“ Наконецъ-то русское плѣние снова раздалось въ стѣнахъ нашего священнаго Кремля!

Всѣ слушали и старались не проронить ни единого слова разскащика. Когда же Собининъ кончилъ, всѣ сразу заговорили, повеселѣли, послышались звуки балайки и уже кто-то сталъ потаптывать ногами по умятому снѣгу. Многимъ хотѣлось пуститься въ плясъ. Одинъ только старикъ Иванъ Сусанинъ сидѣлъ задумавшись и о чемъ-то соображалъ.

— А что-же нашъ молодой бояринъ Михаилъ Романовъ? вдругъ обратился онъ къ Богдану.—Гдѣ онъ теперь? Гдѣ его мать? Отчего ты не говоришь о нихъ?

— Вмѣстѣ съ поляками вышли изъ Кремля и они, быстро отвѣтилъ Богданъ.—Они отправились къ себѣ въ вотчину въ Костром-

скую губернію. Я слышалъ въ Москвѣ, что они сейчасъ недалеко отсюда, въ Ипатьевскомъ монастырѣ. — Верстахъ въ 50-ти отъ насъ.

— Ну, и слава Богу! перекрестился Сусанинъ.—Онъ нашъ бояринъ... Его матушка — инокиня Марфа—наша госпожа...

Всѣ тоже сняли шапки и перекрестились. Перекрестились и бабы.

Пролетѣлъ тихій ангелъ. Всѣ съ минуту помолчали.

— Ну, дядюшка-Иванъ, вдругъ весело обратился къ Сусанину одинъ изъ мужиковъ. —Теперь пора честнымъ пиркомъ, да и за свадьбку! Пора тебѣ твою Антонида за Богдана замужъ выдавать! Поди, она, ожидаючи, стосковалась...

Иванъ задумчиво покачалъ головой.

— Что гадать о свадьбѣ? отвѣтилъ онъ.—Свадьбѣ не бывать!

— Почему? встревожился Богданъ.

— Выгнать-то поляковъ изъ Москвы выгнали, а все еще наша Русь безъ царя! Кто поручится въ томъ, что опять не нагрянутъ враги и ты не пойдешь снова въ походъ? Какъ Антонида останется тогда одна безъ тебя? Я—старъ, много-ли я еще проживу на свѣтѣ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Пока не выберутъ на Руси царя, до тѣхъ поръ не отдамъ за тебя свою дочь! Да и грѣхъ радоваться и свадьбу празд-

новать, когда такія времена! Придется тебѣ, Богдана, подождать!..

Лицо Богдана освѣтилось улыбкой.

— Ну, дядюшка-Иванъ, весело отвѣтилъ онъ.—Если это у тебя настоящая причина, то ждать свадьбы мнѣ долго не придется. Въ Москвѣ уже засѣдаютъ русскіе люди и уже выбираютъ намъ царя! Скоро и у насъ будетъ царь!

— Но кто-же? Кто? слышались голоса.—Опять польскій царевичъ Владиславъ?

— Нѣтъ, не польскій царевичъ Владиславъ, а кто-то другой!

— Кто-же именно?

— Угадайте!

Начались соображенія и догадки. Сусанинъ подошелъ къ Собинину и пытливо посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Какой-нибудь нашъ бояринъ? спросилъ онъ его неувѣренно, боясь получить отрицательный отвѣтъ.

— Ну, конечно! отвѣтилъ Богданъ.—Ты угадалъ!

Вѣсть о томъ, что въ Москвѣ теперь засѣдаютъ выборные, которые выбираютъ своего-же русскаго боярина въ цари, и что теперь уже настанетъ дѣйствительный конецъ иноземному вліянію и притязанію польскаго короля на русскій престолъ, произвела глубокое впечатлѣніе въ Домнинѣ. Забречала балалайка, ей отвѣтила другая, третья, грянули ра-

зомъ хоры парней и дѣвушекъ и два танцора лихо пустились въ плясъ. Красивая Антонида, взявши въ руку платочекъ, тоже выступила на середину и прошлась павой по кругу. Глядя на нее, и молодой Богданъ не смогъ сдержать охватившаго его порыва, снялъ съ себя оружіе и сталъ раздѣлывать „русскую“ въ присядку.

Кругомъ весело смѣялась молодежь, старики отошли къ сторонкѣ и стали обсуждать свои дѣла, а Ваня долго еще сидѣлъ на колодѣ и мечтательно смотрѣлъ въ пространство. Передъ его умственными очами проходили картины сраженія подъ Москвой, сдача поляковъ и засѣданіе земскаго собора для выбора царя. Ахъ, какъ-бы онъ хотѣлъ во всемъ этомъ принимать участіе самъ, какъ-бы ему хотѣлось спасти родину, освободить ее отъ враговъ, проливать за нее кровь! Но онъ былъ еще малъ и ему оставалось только мечтать. Онъ сидѣлъ въ сторонкѣ на колодѣ и въ своихъ мечтахъ не замѣчалъ, какъ около него веселился народъ и какъ спускался уже вечеръ и въ избахъ замелькали огоньки.

Неужели-же онъ ненуженъ никому? Неужели онъ еще такъ малъ, что спасеніе родины можетъ обойтись и безъ него?

Спустился вечеръ, зажглись на небѣ звѣзды и всѣ парни и дѣвушки, окончивъ пѣніе и танцы,

разошлись по домамъ. Въ Домнинѣ опять воцарилась обычная тишина и только въ избѣ одного Сусанина, при свѣтѣ лучины, сидѣли гости и вели разговоръ. Собининъ все еще рассказывалъ о походѣ и его не могли наслушаться его односельчане. Ваня вспомнилъ о гостѣ, встряхнулъ головой, отогналъ отъ себя мечты и побѣжалъ домой.

Въ тотъ-же вечеръ, далеко отъ Домнина, совсѣмъ въ другой сторонѣ, верстъ за пятьсотъ отъ Костромы, у Польскаго знатнаго воеводы, былъ балъ. Играла музыка, звенѣли шпоры и при свѣтѣ множества восковыхъ свѣчей въ люстрахъ польскія знатныя дамы блистали своими нарядами и драгоценными камнями. Гости приѣхали изъ самой Варшавы. Не смотря на зиму, вокругъ дворца воеводы вспыхивали фейерверки, громадный паркъ былъ весь расчищенъ и иллюминированъ, а вдалекѣ на холмахъ горѣли костры у палатокъ расположившихся на ночлегъ польскихъ войскъ.

Польскій воевода праздновалъ побѣду надъ русскими. Онъ еще не зналъ о томъ, что князь Пожарскій уже освободилъ Москву отъ поляковъ, и все собраніе радовалось и плясало мазурку, звонко побрякивая шпорами.

— Ну, что-же, говорили паны и панны.—Теперь Москва и вся Русь уже наши. Мы храбро вое-

вали съ москалями, побѣдили ихъ, заняли ихъ Кремль и теперь нашъ королевичъ Владиславъ будетъ ихъ царемъ.

— Да, отвѣчали имъ другіе. — Наши войска прославили себя на

шимъ баломъ отпразднуемъ побѣду поляковъ надъ Москвою!

Загремѣлъ оркестръ, снова зазвенѣли шпоры и ловкіе польскіе офицеры и прекрасныя воздушныя панны снова закружились

Памятникъ Минину и Пожарскому и Спасскія ворота въ Москвѣ.

весь міръ, теперь Русь будетъ подчинена Польшѣ и мы торжественно введемъ нашего королевича въ Москву и сдѣлаемъ его русскимъ царемъ. Давайте-же забудемъ хотя на время всѣ лишенія и труды, которые мы понесли въ борьбѣ съ русскими, и блестя-

въ мазуркѣ и затопали каблучками.

И вдругъ на балъ неожиданно вбѣжалъ какой то офицеръ. Онъ тяжело дышалъ и было замѣтно, что онъ давно уже не слѣзалъ съ коня и мчался во весь духъ. Хозяинъ узналъ его, встре-

вожился и тотчасъ-же подошелъ къ нему.

— Откуда ты, Станиславъ? спросилъ онъ его.—Что случилось?

— Изъ подь Москвы, запыхаясь отвѣтилъ вѣстникъ.—Я отъ пана Буркевича къ вамъ съ недоброю вѣстью. Необходимо дѣйствовать

— Царя?.. испугался хозяинъ.— Да какъ они смѣли? Но кого-же?

— Молодого Михаила Романова, отвѣчалъ гонецъ.

— Давно? съ еще большею тревогой спросилъ хозяинъ.

— 21-го февраля, на земскомъ соборѣ.

Успенскій соборъ въ Московскомъ Кремлѣ.

какъ можно скорѣе! Панъ Буркевичъ велѣлъ передать вамъ, что русскіе одержали надъ нами побѣду. Они уже выгнали наше войско изъ Москвы, очистили всю Московію отъ поляковъ и теперь уже выбрали себѣ своего природнаго царя!..

— Значить, новый царь теперь въ Москвѣ?

— Нѣтъ, тотчасъ-же по взятіи русскими Кремля, онъ отправился къ себѣ въ глушь, въ Костромскую губернію, и поселился тамъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ.

— Знаеть-ли онъ о томъ, что его выбрали царемъ?

— Я думаю, что еще не знаетъ. Къ нему отправится посольство просить его, чтобы онъ не отказывался и принялъ на себя русскую корону.

— Въ такомъ случаѣ медлить нечего!

Хозяинъ обернулся къ гостямъ. Привезенная офицеромъ вѣсть поразила всѣхъ, какъ громомъ. Танцы тотчасъ-же прекратились. Музыка смѣшалась, спуталась и умолкла. Кто жевалъ въ это время фрукты и сласти, тотъ такъ и остался съ открытымъ ртомъ.

— Какой ужасъ!.. Какое несчастье!.. пронеслись вдругъ вздохи и восклицанія, когда отхлынулъ первый приступъ удивленія и испуга и всѣ стали приходить въ себя. — Кто бы могъ этого ожидать?

— Медлить нечего! воскликнулъ хозяинъ дома, только одинъ не потерявшій самообладанія. — Необходимо дѣйствовать и какъ можно скорѣе!

— Неужели-же нашъ королевичъ Владиславъ отвергнуть и Москали отнимутъ у насъ свое царство назадъ? ужасались дамы.

— Не беспокойтесь, дорогіе друзья, старался утѣшить гостей хозяинъ. — Михаилъ Романовъ намъ не страшень: онъ еще мальчикъ, еще неопытенъ! Его легко захватить въ плѣнъ и увезти въ Польшу

живымъ. Вѣдь держали-же мы его въ плѣну въ Москвѣ!

— Но тогда онъ еще не былъ царемъ!

— Это ничего не значить. Онъ и сейчасъ еще не знаетъ, что онъ царь, и его не охраняетъ никто. Но найдутся-ли изъ васъ такіе смѣльчаки, которые согласились бы отправиться сейчасъ-же въ Костромскую губернію, въ Ипатьевскій монастырь, чтобы схватить тамъ Михаила и привести его сюда?

Нѣсколько удалцовъ тотчасъ-же смѣло выступили впередъ.

— Польское могущество все одолѣетъ! сказали они. — Поручи, панъ, намъ это дѣло и мы доставимъ тебѣ Романова мертвымъ или живымъ!

— Славно, герои и рыцари мои! въ восторгѣ воскликнулъ хозяинъ. — Въ вашихъ рукахъ честь и гордость Польши! Отправляйтесь-же какъ можно скорѣе въ Кострому и приводите сюда державнаго плѣнника! Сражайтесь, если понадобится, какъ львы, но не забывайте и о томъ, что тамъ, гдѣ непоможетъ сила, помогаетъ иногда и золото. И такъ, — мы ждемъ вашего возвращенія съ царемъ!

И онъ вручилъ имъ мѣшокъ съ золотыми деньгами и всѣ гости отправились провожать удалцовъ. Молодые, красивые, въ мѣдныхъ, блестящихъ доспѣхахъ, въ крылатыхъ шапкахъ и съ крыльями за плечами, они вспрыгнули на под-

веденныхъ имъ коней и, какъ сказочные рыцари, исчезли въ темнотѣ,

— Счастливыи путь! крикнулъ имъ хозяинъ вслѣдъ.

— Возвращайтесь скорѣе! крикнули имъ дамы.

А затѣмъ всѣ возвратились въ залу. Снова грянула музыка, снова зазвенѣли шпоры и замигали брилліанты на дамахъ. Послѣ вальса, началась мазурка и еще долго слышались притоптыванье каблукками и счастливые веселые разговоры. Лилось рѣдкой токайское вино и гостепріимный хозяинъ, не зная, чѣмъ угостить своихъ гостей.

А сорокъ молодыхъ удалцовъ, отправившіеся схватить молодого царя, были уже далеко и не думали о томъ, сколько затрудненій ожидало ихъ впереди.

Вѣсть объ избраніи Михала Романова на царство быстро разнеслась по всѣмъ городамъ Московской Руси. Избравшіе его выборные разъѣхались по своимъ домамъ и всюду несли съ собой вѣсть объ избраніи юнаго царя. Дошла она и до села Домнина. А такъ какъ Домнино принадлежало Романовымъ, то, конечно, здѣсь она произвела еще болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Радовались, водили хороводы, плясали, поздравляли другъ друга. Называли себя уже не боярскими, а царскими, и теперь уже стали опредѣленно по-

говаривать о свадьбѣ Богдана и Антонида. Теперь уже этому не препятствовало ничто и приемышъ Ваня уже заранѣе печалился, что ему придется разстаться со своей названной сестрой и жить уже со старикомъ Сусанинымъ одному.

Въ тотъ годъ была особенно суровая зима. Морозы трещали въ концѣ февраля, снѣгъ былъ такъ глубокъ, что въ полѣ негдѣ было разъѣхаться двумъ встрѣчнымъ санямъ. Завывалъ вѣтеръ и даже не вѣрилось, что когда-нибудь наступитъ весна. Въ одинъ изъ такихъ холодныхъ бурныхъ вечеровъ, когда всѣ мужики сидѣли у себя по избамъ и не зажигали огня, Иванъ Сусанинъ, Антонида и Ваня сидѣли въ уголку, у печки, и при слабомъ свѣтѣ лучины, говорили о томъ, какъ сыграть повеселѣе свадьбу, кого пригласить, чѣмъ напоить и накормить гостей. Незамѣтно сошли по привычкѣ на разговоръ и о молодомъ царѣ. Онъ теперь былъ недалеко отъ нихъ, всего верстахъ въ 50-ти, жилъ въ монастырѣ вмѣстѣ съ матерью и скоро долженъ былъ торжественно отправиться въ Москву. Мечтательный Ваня уже представлялъ себѣ, какъ будутъ гудѣть московскіе колокола и гремѣть пушки, когда царь-Михаиль будетъ въѣзжать въ Москву; какъ начнетъ пробуждаться повсюду русская жизнь и какъ онъ, Ваня, выростетъ большой и тоже будетъ служить.

— „Поскорѣй-бы настало то время“, думалъ онъ.

И вдругъ въ сѣняхъ послышались топотъ нѣсколькихъ ногъ и бряцаніе оружія. Визгливо залаяла собака. Ваня и Антонида вскочили.

по горамъ и доламъ и рѣшили наконецъ найти себѣ проводника. Судьба забросила ихъ въ далекое Дѣмино. Они знали, что оно принадлежало Романовымъ, знали, что царь-Михаилъ долженъ былъ быть

Внутренность Успенскаго собора въ Москвѣ.

Старикъ-Иванъ съ недоумѣніемъ поглядѣлъ на дверь.

— Кто-бы это былъ?

Дверь отворилась и въ нее вошли сорокъ молодыхъ польскихъ рыцарей, отправившихся прямо съ бала отыскивать царя. Они сбились съ пути, продрогли, долго блуждали

здѣсь, или-же въ Ипатьевскомъ монастырѣ, но какъ дойти до этого монастыря,—они не знали. Быстрота, съ которой имъ нужно было дѣйствовать, и глубокой снѣгъ и морозы утомили ихъ, они стали уже отчаиваться въ успѣхъ своего предпріятія, но долгъ и

честь заставляли ихъ идти впередъ.

— Намъ-бы найти проводника, говорили нѣкоторые изъ нихъ.— Иначе мы проблуждаемъ такъ безъ пользы еще долго и упустимъ время, котораго у насъ такъ мало!

— Нельзя, отвѣчали имъ другіе.—Если мы возьмемъ проводника, то онъ догадается, зачѣмъ

— Старикъ, обратились они къ Сусанину, войдя въ избу и схвативъ его за обѣ руки, чтобы не дать ему выйти изъ избы и позвать на помощь.— Гдѣ Ипатьевскій монастырь? Веди насъ сейчасъ же къ царю!

— Къ царю? съ недовѣріемъ переспросилъ Сусанинъ.—А зачѣмъ вамъ нуженъ царь?

Ипатьевскій монастырь.

намъ нуженъ царь, и передастъ объ этомъ другимъ. Нужно полное сохраненіе тайны.

Но усталость, морозы и полное незнаніе путей заставили ихъ обратиться къ проводнику. Изба Сусанина была крайняя, стояла на отлетѣ, въ ней еще свѣтился огонекъ и они прямо направились къ ней.

— Не разговаривай! крикнули на него поляки.— Намъ нужно скорѣй! Собирайся сейчасъ-же и веди!

— А если я не пойду? возразилъ старикъ.

— Тогда мы тебя безъ пощады убьемъ!

По этому „убьемъ“ Сусанинъ понялъ, для какой цѣли поляки искали царя. Онъ понялъ также,

что ему теперь не оставалось больше никакого выхода. Если онъ откажется и не пойдетъ, то все равно они его убьютъ, а если онъ попробуетъ закричать и позвать къ себѣ на помощь, то поляки не позволятъ ему этого сдѣлать и убьютъ его раньше, чѣмъ онъ успѣетъ открыть ротъ. Оставалось одѣться и отправиться въ путь. Но развѣ онъ рѣшится провести поляковъ въ Ипатьевскій монастырь? Развѣ онъ рѣшится предать своего ново-избраннаго царя и боярина? Скорѣе онъ умретъ, дастъ растерзать себя на куски, чѣмъ сдѣлаетъ то, на что неспособенъ былъ никогда.

И подозвавъ къ себѣ Ваню, онъ склонился къ его уху и быстро зашепталъ:—

— Бѣги сейчасъ на дворъ, осѣдай коня и скачи во весь духъ въ монастырь! Предупреди скорѣе царя и его мать, что ихъ ищутъ поляки, чтобы убить или схватить. Я-же заведу ихъ въ трясины, въ топъ, въ полѣсье, въ глушь, куда и черный воронъ костей не заносилъ, куда не забѣгалъ и сѣрый волкъ. Но помни только одно: ты долженъ доскакать до монастыря во всякомъ случаѣ до зари. Какъ только я увижу, что забрезжилась утренняя заря, я уже буду знать въ лѣсу, что царь спасенъ, и смогу спокойно умереть. Бѣги-же скорѣй, прощай!

Сусанинъ перекрестилъ Ваню,

поцѣловалъ его и сталъ надѣвать на себя тулупъ. Ваня выбѣжалъ изъ избы. Подвязавъ затѣмъ поясъ и надѣвъ рукавицы, старикъ простился съ обезумѣвшей отъ страха дочерью и обратился къ ожидавшимъ его полякамъ:—

— Ну, теперь пойдѣте! сказали онъ.—Если вамъ нужно такъ скоро видѣть царя, то я доведу васъ до него. Здѣсь недалеко. Всего только какихъ нибудь двадцать верстъ!

И онъ повелъ поляковъ совсѣмъ въ противоположную сторону, въ безконечный, дремучій лѣсъ.

Антонида осталась одна.

Вскочивъ на лошадь, Ваня во весь духъ помчался къ Ипатьевскому монастырю. Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ онъ этой минуты, когда могъ показать себя большимъ! Съ какимъ безграничнымъ сознаниемъ долга онъ готовился исполнить дѣло, которое ему поручили! Онъ скакалъ одинъ по снѣжной дорогѣ, было темно, падалъ снѣгъ и косматыя ели то и дѣло цѣплялись вѣтвями за его шапку или били его прямо по лицу. Онъ никогда еще въ жизни не ѣздилъ такъ далеко. Ни разу за всю свою жизнь онъ не выбѣгалъ ночью дальше околицы своего села. И вотъ онъ мчался теперь по невѣдомымъ мѣстамъ, зналъ, что дороги кишѣли разбойниками и ворами, каждую минуту ожидалъ, что откуда-нибудь изъ темноты можетъ выскочить недобрый человекъ и

крикнуть ему:—Стой! Сердце его билось. Онъ боялся и въ тоже время гордился собою, что ему поручили такое важное дѣло, и готовъ былъ скорѣе умереть, чѣмъ отказаться отъ его исполненія. Развѣ онъ не русскій? Развѣ онъ не мужчина? Развѣ онъ не сумѣетъ пожертвовать собою для другихъ и умереть за родину и за царя?

И онъ гналъ лошадь вскачъ, спѣшилъ и боялся, какъ бы не свалиться съ сѣдла. Отъ бѣшеной скачки у него уже давно кололо въ боку, а путь былъ еще длиненъ и тяжелъ, копыта лошади то и дѣло проваливались въ снѣгу и она спотыкалась и раза два чуть не упала и не сломала себѣ ногу. Но онъ держался за ея гриву и все погонялъ ее и погонялъ.

„Только бы успѣть“, шепталъ онъ.—„Только бы доскакать до зари“.

Верстахъ въ десяти отъ Ипатьевского монастыря конь палъ. Ваня высвободился изъ подъ него и побѣжалъ бѣгомъ. Необходимо было спѣшить. До зари оставалось уже немного времени и если онъ не успѣетъ до нея добѣжать до монастыря, то все пропало. Ему уже не будетъ вѣрить никто, родина не будетъ считать его своимъ вѣрнымъ сыномъ и, чего Боже сохрани, поляки найдутъ дорогу въ монастырь и явятся къ царю раньше его. Нѣтъ, онъ напряжетъ сейчасъ всѣ свои силы, онъ всю

дорогу будетъ бѣжать бѣгомъ, онъ скорѣе умретъ по пути, чѣмъ дастъ себѣ волю и не исполнитъ своего долга. Онъ долженъ добѣжать до монастыря до зари!

И онъ все бѣжалъ и бѣжалъ. Стали меркнуть и гаснуть звѣзды, засѣрѣло небо и уже ясно обрисовывались въ темнотѣ сосны, ели и большіе можжевельники, точно черные монахи, стоявшіе между деревьевъ. Заслышались вдаль пѣтухи. Занималось утро. Далеко-далеко раздался жиденскій, теноровый звонъ колокола. Это сторожъ ударялъ въ Ипатьевскомъ монастырѣ часы. Значитъ, до монастыря уже не далеко.

Ваня сдѣлалъ еще одно усиліе и, не помня себя отъ усталости и еля переводя духъ, выбѣжалъ изъ лѣса.

Далеко впереди тянулася бѣлая равнина замерзшей Волги и на ея берегу виднѣлись башни и куполы. Это монастырь. Чуть-чуть сталъ алѣть востокъ. Еще полчаса и займетъ заря. Пропѣли вторые пѣтухи и проснувшіяся галки уже полетѣли по темному, мутному небу. Скорѣй! Скорѣй!

Еле дыша отъ бѣга и едва переводя отъ усталости ноги, Ваня кое какъ добѣжалъ до монастыря и схватился за кольцо калитки.

— Отворите!! закричалъ онъ изъ всѣхъ силъ и застучалъ о дверь кольцомъ.—Отворите!!

Голова у него кружилась, въ

вискахъ у него стучало и каждую минуту онъ готовъ былъ лишиться чувствъ и упасть.

По ту сторону слышались шаги.

— Кто тамъ? спросилъ чей-то голосъ.

— Отворите! снова закричалъ

которымъ онъ не могъ не довѣрять, испугали и его самого и онъ топтался на одномъ мѣстѣ и не зналъ, что дѣлать.

— Скорѣе! Скорѣе! внѣ себя кричалъ мальчикъ. — Предупредите государя, чтобы онъ спѣшилъ до зари! Его хотятъ схватить и увести!

Надо попробовать!

мальчикъ. — Государя ищутъ поляки! Они идутъ уже сюда, чтобы его убить! Лошадь моя пала по дорогѣ и я добѣжалъ сюда бѣгомъ! Отворите!.. Они будутъ здѣсь уже до зари!.. Надо спѣшить!..

Монахъ отворилъ калитку. Видъ взволнованнаго мальчика, еле державшагося на ногахъ, его слова,

Быть можетъ, они ужъ недалеко!

И, не будучи въ силахъ дальше сдержатъ себя, онъ сталъ горько рыдать и опустился на снѣгъ. Встревоженный монахъ побѣжалъ обо всемъ доложилъ и скоро выбѣжали съ огнями люди, стали спрашивать Ваню, въ чемъ дѣло, затѣмъ раздались голоса, слы-

шался топотъ лошадиныхъ копытъ, всё засуетились, зажгли фонари и цѣлый поѣздъ верхами и на саняхъ выѣхалъ изъ монастыря и поскакалъ куда-то въ сторону Костромы. Ваня стоялъ, прижавшись къ стволу березы и удивленными глазами смотрѣлъ на выѣзжавшихъ

ротомъ въ лѣсъ, топотъ лошадей и голоса уже смолкли давно, а Ваня все еще смотрѣлъ ей вслѣдъ и не вѣрилъ своимъ глазамъ.

Стала заниматься заря. Ваня вспомнилъ о ней, вспомнилъ о томъ, что говорилъ ему его пріемный отецъ, когда посылалъ его въ мона-

Скоро-ли вернется мать?

изъ монастыря людей. Молодой всадникъ, юноша 16-ти лѣтъ, проѣхалъ мимо него. Кто-то изъ его свиты указалъ ему на Ваню. Всадникъ обернулся и весело и ласково закивалъ Ванѣ головой. Это былъ царь Михаилъ. Ваня смотрѣлъ на него и вдругъ почувствовалъ, что могъ-бы за него умереть.

Кавалькада скрылась за пово-

стырь, съ облегченіемъ глубоко вздохнулъ и три раза перекрестился.

— Слава Богу! сказалъ онъ.— Я исполнилъ свой долгъ!

Зазвонилъ колоколъ. Это ударили къ заутрени. Ваня вошелъ въ ворота монастыря и отправился въ церковь.

А тѣмъ временемъ въ самой

глуши костромскихъ лѣсовъ пробирался Иванъ Сусанинъ и за нимъ слѣдовалъ польскій отрядъ. Старикъ уже усталъ, испарина выступила у него на морщинистомъ лбу, онъ выбился изъ силъ, но сознание важности принятаго на себя дѣла заставляла его бодриться и идти. Громадныя вѣковья сосны шумѣли надъ нимъ вершинами, старыя раскидистыя ели страхивали на него снѣгъ съ вѣтвей, кустарники цѣплялись за него и раздирали на немъ тулупъ. Его сѣдая борода казалась еще бѣлѣе отъ выпавшаго на нее снѣга. Казалось, самый лѣсъ негодовалъ на путниковъ, что они нарушили его ночной покой и проникли туда, куда еще никогда не ступала нога человѣка.

„Только-бы поскорѣе занялась заря“, думалъ Сусанинъ.— „Тогда-бы я зналъ, что царь предупреденъ уже обо всемъ“...

И чтобы лучше было замѣтить зарождающуюся зарю, онъ вывелъ поляковъ на полянку, остановился и глубоко вздохнулъ. Жалкіе, изнуренные, поляки послѣдовали его примѣру.

— Устали мы... Продрогли мы... заговорили они. — Старикъ, куда ты насъ завелъ? Куда?

Они стали уже догадываться и Сусанинъ старался отвлечь ихъ вниманіе.

— Мой путь прямъ, отвѣтилъ онъ имъ.— Но что-жъ дѣлать, если

вы не привыкли ходить черезъ лѣса и по снѣгамъ!

— Но это какой-то заколдованный лѣсъ! Мы все идемъ и идемъ и ему не видно конца! Кажется, мы были на этомъ мѣстѣ уже не разъ.

Сусанинъ и самъ видѣлъ, что проводилъ ихъ по этому мѣсту уже не разъ. Онъ старался успокоить ихъ, но самъ тихо и безмолвно въ душѣ страдалъ. Онъ зналъ, что ему уже не сдобровать, что поляки все равно догадаются объ его хитрости и убьютъ его, и вся жизнь его проходила у него предъ глазами. Ему жаль было разстаться съ дочерью, которую ему такъ и не удалось выдать замужъ при жизни, съ Собининымъ, съ Ваней, котораго онъ горячо любилъ... Ему страстно, безумно хотѣлось вернуться къ нимъ, прижать ихъ къ своей груди и благословить, повидать въ послѣдній разъ свое родное Домнино, но сознание долга одерживало надъ нимъ верхъ и придавало ему силъ. Онъ то и дѣло поглядывалъ на небо, вглядывался сквозь стволы деревьевъ, стараясь увидѣть первые проблески зари, но время тянулось мучительно долго и надо было идти, чтобы не дать полякамъ вида, что онъ нарочно сбился съ пути и радъ-бы и самъ отдохнуть.

— Идемте-же! Идемте! понукалъ онъ ихъ.

Они еле передвигали отъ усталости ноги.

— Ты насъ ведешь все дальше въ лѣсъ, отвѣчали они, — все глубже въ топъ! Смотри, куда завель! Бѣда! ты сбился самъ съ пути!

Но Сусанинъ ихъ все велъ и велъ.

— „Догадываются“... думаль онъ. „Стали понимать, что я ихъ нарочно завель... О, заря, когда-же ты наконецъ взойдешь и возвѣстишь вѣсть о спасеньѣ царя?“

И вдругъ сквозь стволы деревьевъ, гдѣ-то далеко-далеко впереди, проглянули первые проблески зари. Значить, царь уже въ безопасности! Ваня сдѣлалъ свое дѣло, и теперь Михаилъ Ѳедоровичъ скачетъ куда-нибудь въ другое мѣсто и знаетъ обо всемъ. И внѣ себя отъ радости, убѣдившись наконецъ въ томъ, что онъ сдѣлалъ свое дѣло до конца, и уже нисколько не думая о самомъ себѣ и о своей жизни, Сусанинъ снялъ шапку и нѣсколько разъ широко перекрестился.

— Заря!.. воскликнулъ онъ.— Заря!.. Теперь мой царь спасень!

— Что? Что? спросили поляки.

И обратившись къ полякамъ, онъ быстро и радостно продолжалъ:—

— Вы хотѣли знать, куда я васъ завель? Такъ знайте-же, что я завель васъ туда, куда и сѣрый волкъ не забѣгалъ, куда и черный вранъ костей не заносилъ. Туда завель

я васъ, гдѣ глушь и топъ, и страхъ и смерть и Божій судъ!

И съ радостнымъ крикомъ „Мой царь спасень!“ Сусанинъ опустился на колѣни и сталъ горячо молиться.

Поляки схватили его и повлекли за собою въ лѣсъ. Послышались крики, угрозы, бряцаніе оружіемъ и стоны старика. А затѣмъ, когда поляки разсѣялись по лѣсу, чтобы вскорѣ погибнуть отъ холода и самимъ, то взошедшее солнце увидало печальную картину. Старикъ Сусанинъ лежалъ ничкомъ на землѣ и его алая кровь широко окрасила собою снѣгъ. Онъ былъ убитъ.

Въ маѣ того-же года Михаилъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ Москву, а въ іюлѣ торжественно короновался на царство въ Успенскомъ соборѣ въ московскомъ кремлѣ. Гудѣли колокола, гремѣли пушки и три дня столица шумно праздновала воцареніе Михаила. Когда онъ въ предшествіи духовенства и въ сопровожденіи свиты и войскъ вѣзжалъ черезъ Спасскія ворота въ Кремль, то отъ народа отдѣлилась маленькая группа знакомыхъ намъ костромичей и опустилась на колѣни, это были Собининъ, его жена Антонида и маленькій Ваня. Они были вызваны сюда по приказанію царя. Проѣзжая мимо ихъ, царь Михаилъ узналъ Ваню и весело закивалъ ему головой. Ваня взглянулъ на него восторженными, обожавшими глазами, вскочилъ на

ноги и еще долго смотрѣлъ ему
вслѣдъ. Но толпа массою ринулась
за царемъ, оттерла Ваню отъ Спас-
скихъ воротъ и живымъ, неудар-
жимымъ потокомъ хлынула въ
Кремль.

А кругомъ гудѣли колокола, па-
лили пушки и раздавались востор-
женные крики народа.

Лео

(По бар. Розену „Жизнь за Царя“).

СКОРО ВЕСНА.

Ужъ грѣетъ солнце!.. Какъ при-
ятно!
Свѣтлѣй блестятъ его лучи,
Уже февраль—и къ намъ обратно
Вернулись черные грачи.

Ручьи шумятъ съ журчаньемъ
вешнимъ,
Они бѣгутъ во все концы,
Еще недѣля—и къ скворешнямъ
Вернутся милые скворцы.

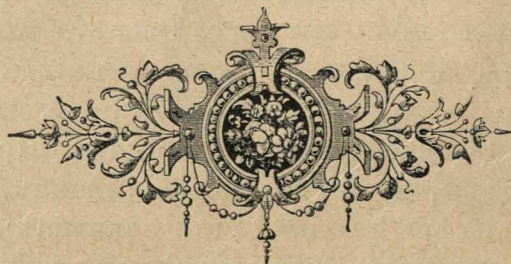
А тамъ ужъ глядь—въ двѣ-три
недѣли
Лѣса одѣнутся въ листву,
Чу! — хоры пташекъ ужъ зашѣли
И скотъ погнали на траву...

Такъ будетъ весело, занятно
Пробыть на воздухѣ весь день,
Когда такъ пахнуть ароматно
Начнетъ цвѣтущая сирень!

Потомъ заквакаютъ лягушки
И въ сѣромъ сумракѣ ночей
Раздастся первый крикъ кукушки
И запоетъ вдругъ соловей.

О, приходи-жь весна съ цвѣтами,
Укрась скорѣй листвою лѣсъ,
Пришли къ намъ птицъ, и передъ
нами
Раскрой роскошный рядъ чудесь!..

Кузнечикъ.

ДВѢ СИРОТКИ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе).

Часъ спустя, послѣ отѣзда Наталіи Кирилловны съ Костей и Катей въ Миланъ, съ радостнымъ визгомъ возвратился въ монастырь Мистраль. Онъ наскоро поѣлъ, поплакалъ и затѣмъ снова убѣжалъ въ горы.

— Мистраль что-то нашель, сказали другъ другу монахи. — Онъ что-то почувялъ.

И дѣйствительно, еще часъ спустя, далеко въ горахъ послышался его радостный и въ тоже время призывный лай. Монахи переглянулись, прислушались, а затѣмъ трое изъ нихъ взяли за длинную веревку, захватили съ собой носилки и все необходимое и отправились на лай.

— Мистраль нашель еще одного человѣка, сказали они. — Необходимо ему помочь.

Теперь уже было тихо, свѣтило яркое, радостное солнце и покрытая глубокимъ снѣгомъ вершины горъ сверкали, какъ алмазы. Въ прозрачномъ, чистомъ воздухѣ виднѣлись крутые склоны горъ и долины на цѣлыя десятки верстъ впередъ и было легко дышать. Монахи шли одинъ за другимъ, прислушиваясь къ лаю, и вдругъ за поворотомъ дороги увидели Мистралья и около него какой-то

узелъ. Они подошли поближе и увидели, что этотъ узелъ—быль дѣвочка. Она была настолько уже велика, что Мистраль не могъ уже тащить ее у себя на спинѣ и тянулъ ее зубами за край одежды. Онъ откопалъ ее изъ-подъ снѣга и такимъ образомъ волочилъ въ монастырь.

— Бѣдняжка!.. всплеснули руками монахи.—Вѣроятно, она уже мертва!

Дѣвочка дѣйствительно казалась мертвой. Она была безъ памяти, лежала съ закрытыми глазами и густая блѣдность покрывала ея лицо. Но при взглядѣ на радостно-лаявшаго Мистралья, монахи поняли, что она была еще жива. Собака чуюла, что въ ребенкѣ еще теплилась жизнь, виляла хвостомъ и то и дѣло останавливалась, бросала изо рта край одежды, за который тащила, и начинала ласково лизать ребенка по лицу.

— Дѣвочка еще жива! обрадовались монахи.—Иначе Мистраль не тащилъ-бы ее въ монастырь.

И, взявъ ребенка на руки, они стали его оттирать и согрѣвать. Цѣлые десять часовъ ребенокъ пролежалъ подъ снѣгомъ и это спасло ему жизнь: онъ не замерзъ.

Онъ только лишился чувствъ отъ недостаточнаго притока воздуха и отъ голода. Не прошло и двадцати минутъ, какъ дѣвочка открыла глаза и съ удивленіемъ оглядѣлась кругомъ.

— А гдѣ мама и Кетти? спросила она по нѣмецки.

Около нея были монахи, говорившіе только по французки и по-итальянски, и ее не понялъ никто.

— Гдѣ тотъ дядя, который несъ меня на рукахъ? снова спросила дѣвочка.

— Она, вѣроятно, просить ѣсть... сказали монахи и дали ей поѣсть.

Она выпила молока, съѣла яйцо и румянецъ появился у нея на щекахъ.

— А теперь понесемте ее въ монастырь, сказали монахи.

Одинъ изъ нихъ взялъ ее на руки, окуталъ ее одѣяломъ и три темныя фигуры по ярко-бѣлому снѣгу поплелись обратно въ монастырь. Впереди нихъ бѣжалъ Мистраль и, высунувъ большой, розовый языкъ, съ довольнымъ видомъ помахивалъ хвостомъ.

Когда они пришли въ монастырь, то всѣ монахи столпились вокругъ нихъ и всѣмъ было пріятно, что ребенокъ былъ спасенъ.

— Кто ты, дитя мое? обратился къ дѣвочкѣ настоятель.

Она не поняла его французскаго вопроса и отвѣтила по-нѣмецки:—

— Гдѣ мама?

Тогда онъ спросилъ ее по-нѣмецки:—

— Кто ты? Какъ тебя зовутъ?

— Маргарита, отвѣтила она.— Мама везла меня и Кетти къ тетѣ въ гости, но какой-то дядя въ рясѣ завелъ насъ въ горы и мы заблудились... Гдѣ моя мама? Гдѣ Кетти и тотъ дядя, который несъ меня на рукахъ?

Настоятель печально покачалъ головой.

— Твоей мамы уже нѣтъ, она у Бога на небѣ... отвѣтилъ онъ ей.— Твоя сестра Кетти уѣхала въ Италию, а тотъ дядя, который несъ тебя на рукахъ,—замерзъ.

Маргарита залилась слезами.

— Что-же я теперь буду дѣлать? сказала она.

Она рыдала, горе ея было безутѣшно и, глядя на нее, утирали слезы и нѣкоторые монахи.

— Надо показать ей ея покойницу - мать... сказалъ одинъ изъ монаховъ.— Она лежитъ еще у насъ въ часовнѣ и мы завтра ее будемъ хоронить...

— Нѣтъ, не надо... отвѣтилъ ему настоятель.— Зачѣмъ причинять дѣвочкѣ лишнее страданіе?.. Пусть она не видитъ ея и будетъ думать, что ее взялъ къ себѣ Господь!

Они стояли въ кучкѣ, о чемъ-то продолжали разговаривать на французскомъ языкѣ, а маленькая Маргарита Фидлеръ сидѣла поодаль на ступенькѣ и плакала—плакала

безъ конца. Теперь она была уже круглой сиротой.

— Мнѣ надрываютъ душу ея слезы, сказалъ наконецъ настоятель.—Какая жалость, что во всемъ монастырѣ у насъ нѣтъ ни одной женщины, которая могла-бы ее приласкать! Дилижансъ уже уѣхалъ въ Миланъ и теперь, пожалуй, еще долго не будетъ къ намъ приѣзжихъ.

Но въ это время послышался вдругъ издалека рожокъ. Монахи вздрогнули и насторожили слухъ.

— Это кто-то ѣдетъ! сказали одни изъ нихъ.

— Да, отвѣтили другіе. — Это рожокъ экипажа!.. Навѣрное, это какой-то смѣльчакъ, который ѣдетъ изъ Люцерна въ Миланъ!

И всѣ гурьбою направились къ воротамъ.

Звукъ бубенчиковъ и лошадиного фырканья слышался уже вблизи, слышны были понуканія кучера и шелканье бича. Затѣмъ снова заиграла труба и къ воротамъ монастыря подѣхалъ экипажъ. Кучеръ соскочилъ съ козелъ, отвернулъ покрывало и высадилъ изъ него какую-то даму. Она вся иззябла и еле стояла на ногахъ.

— Здѣсь вы погрѣтесь, сеньора, и отдохнете! сказалъ онъ ей.— Это Сенъ-Бернарскій монастырь!

Она подошла къ монахамъ, поклонилась имъ и быстро спросила:—

— Не проходила-ли здѣсь вчера

женщина съ монахомъ и съ двумя дѣвочками—дочерьми?

— Увы, отвѣтилъ ей одинъ изъ монаховъ, — она шла сюда и не дошла! Она и монахъ сбились съ пути и оба замерзли въ снѣгу. Теперь ихъ души обоихъ на небѣ...

Лицо дамы искажилось отъ ужаса. —А дѣвочки? воскликнула она.— Онѣ тоже погибли? Онѣ тоже замерзли вмѣстѣ съ ними?

— Нѣтъ, отвѣтилъ монахъ и набожно перекрестился. — Обѣихъ дѣвочекъ спасъ нашъ Мистраль. Онъ откопалъ ихъ обѣихъ изъ подъ снѣга и принесъ ихъ къ намъ въ монастырь.

Лицо дамы просіяло.

— Гдѣ-же онѣ? радостно воскликнула она.— Проведите меня къ нимъ! Покажите ихъ мнѣ и дайте мнѣ возможность одну изъ нихъ поскорѣ обнять!

Монахъ грустно улыбнулся и покачалъ головой.

— Сеньора, сказалъ онъ ей,— одну изъ этихъ дѣвочекъ увезла съ собою только два часа тому назадъ какая-то дама въ Миланъ. А другая еще у насъ. Я хотѣлъ-бы, чтобы это была та самая дѣвочка, которую вы хотите обнять. Она горько плачетъ и мы рады, что васъ послалъ къ намъ Господь!

Дама вошла вслѣдъ за монахами въ монастырь. Завидѣвъ ее еще издали, настоятель взялъ Маргариту за руку и пошелъ къ ней навстрѣчу.

— Какъ я радъ, сказалъ онъ.— что вы пріѣхали! Да благословить васъ Господь! Теперь вы приласкаете эту сиротку, которую нашелъ подъ снѣгомъ нашъ Мистраль.

Дама бросилась къ дѣвочкѣ и

Затѣмъ дама вошла въ гостиницу, заняла комнату и стала горько рыдать. Наплакавшись досыта, выплакавъ все свое горе, она прижала платокъ къ глазамъ и такъ и просидѣла, точно въ забытѣ, нѣсколько минутъ.

Пороги на рѣкѣ Нилѣ, въ Африкѣ.

отняла съ ея личика руки, которыми она закрывала глаза. Горькое разочарованіе овладѣло вдругъ пріѣзжей.

— Нѣтъ, это не она!.. сказала она.—Эта вовсе не похожа на мою пропавшую дочь!

— Тетя, успокойся!.. Не надо!.. вдругъ услышала она около себя дѣтскій голосокъ.—Перестань, а то заплачу и я!

Дама услышала эту русскую рѣчь, которой когда-то научила Маргариту няня Назаровна, — и

что-то нѣжное, милое, прекрасное, какъ майское утро, наполнило вдругъ ея сердце. Она приняла отъ глазъ платокъ и склонилась къ дѣвчкѣ. Голубые, какъ васильки,

казалось, было странно его услышать, показался дамѣ прекрасной музыкой, которой она не слышала уже давно. И полная нѣжности къ этой чужой, незнакомой ей дѣвчкѣ,

Л а с к и.

глаза Маргариты смотрѣли ей прямо въ самую душу. Что-то искреннее, довѣрчивое свѣтилось въ нихъ и этотъ лепетъ на русскомъ языкѣ, далеко отъ родины, въ горахъ, гдѣ,

она притянула ее къ себѣ и прижала ее къ груди.

— Бѣдняжка!.. Бѣдняжка!.. залепетала она.— Маленькая, одинокая моя сиротка!.. Кто-то теперь

позаботиться о тебѣ и замѣнить тебѣ мать?..

— Вы, сеньора! вдругъ услышала она около себя голосъ и подняла голову.

Передъ ней стоялъ настоятель.

— Вы возьмете къ себѣ эту дѣвочку, продолжалъ онъ.— Самому Богу было угодно, чтобы вы приѣхали сюда именно теперь. Не отказывайтесь-же, сеньора! Возьмите ее, приглубьте ее, замѣните ей мать, и да благословить васъ Господь!

Дама поднялась, подумала и провела рукой по волосамъ. Что, если она въ самомъ дѣлѣ возьметъ къ себѣ эту дѣвочку—сироту? Что, если она воспитаетъ ее и сдѣлаетъ такъ, что она замѣнитъ ей дочь? Вотъ уже сколько лѣтъ она живетъ все одна да одна, въ поискахъ за пропавшей Катей переѣзжаетъ съ мѣста на мѣсто, и около нея нѣтъ ни единой души, которая была бы для нея близка и для которой и она сама не была-бы чужой. И, полная охватившаго ее вдругъ желанія имѣть около себя это близкое существо, она подошла къ настоятелю и прямо взглянула ему въ лицо.

— Хорошо, сказала она.— Я беру эту дѣвочку къ себѣ!..

— Да благословить васъ Господь! отвѣтилъ настоятель и осѣнилъ ее крестомъ.

Четверть часа спустя, настоятель уже заносилъ въ книгу имя дѣ-

вочки и согласившейся взять ее дамы.

— Какъ тебя зовутъ, дитя мое? спросилъ онъ дѣвочку.

— Маргарита, отвѣчала она.— Мы изъ города Оберъ-Бриккау въ Германіи. Мой папа умеръ и мама везла меня и Катю къ тетѣ на Альпы.

Дама вздрогнула. Второй уже разъ она слышала названіе города, въ которомъ когда-то лежала больная. Кромѣ того, дѣвочка по-русски сказала слово „Катя“. Она хотѣла броситься къ ней и разспросить ее обо всемъ, но въ эту минуту настоятель поднялъ глаза и задалъ ей вопросъ:—

— А какъ ваше имя, сеньора? Я долженъ это записать...

— Меня зовутъ Евгенія Федоровна.— Моя фамилія—Лавровская. Я ѣду изъ Россіи.

Настоятель внесъ эти слова въ свою книгу и, низко поклонившись, вышелъ изъ комнаты. Евгенія Федоровна взяла Маргариту за руку и повела ее за собой.

— Пойдемъ, моя крошка! сказала она. Лошади уже отдохнули и пора намъ ѣхать. Быть можетъ, мы еще догонимъ ихъ впереди!

— Кого? спросила Маргарита.

— Катю, которую ты называешь своей сестрой.

— Развѣ она жива? Развѣ она мнѣ не въ самомъ дѣлѣ сестра?

Евгенія Федоровна остановилась.

— Не знаю!.. отвѣтила она.— Да поможетъ мнѣ Богъ!

И вдругъ, точно о чемъ-то вспомнивъ, она быстро наклонилась къ дѣвочкѣ и пытливо ее спросила.

— Но почему ты знаешь немного по-русски? Почему-ты называешь свою сестренку именно „Катей“, а не по-нѣмецки „Катарина“?

Дѣвочка лукаво прищурила глаза.

— А потому что меня научила этому моя бывшая няня фрау-Назаровъ, сказала она.— Мою няню звали фрау-Назаровъ!

— Назаровъ? удивилась Евгенія Федоровна.— Быть можетъ, Назаровна? Это такая невысокая старушка съ большой родинкой на щекѣ?

— Да, да!.. весело отвѣтила Маргарита.— Развѣ вы ее знали?

— Но гдѣ-же она? Гдѣ она теперь?

— Когда папа умеръ и мама собралась къ тетѣ сюда, то она уѣхала къ себѣ въ Россію... Нахъ Русландъ! Она намъ рассказывала, какъ она интересно тонула въ водѣ! Это было такъ забавно!.. Эсъ варъ зо интересантъ!

Сердце у Евгеніи Федоровны радостно забилося.

— Ты говоришь, что она утонула въ водѣ? спросила она Маргариту.

— Да, Да!.. Она еще рассказывала намъ, что въ водѣ утонули

ея прежняя госпожа и ея маленькая дочь—дасъ клейне киндъ— которую тоже звали Катей...

Евгенія Федоровна застонала и схватилась рукой за грудь.

— Тетя, что съ вами? испугалась дѣвочка.— Вамъ нехорошо?

Но Евгенія Федоровна быстро овладѣла собой.

— Ничего, ничего, моя крошка! отвѣтила она.— Это я такъ!.. Это скоро пройдетъ!

И взявъ Маргариту на руки, она отправилась съ ней садиться въ экипажъ

Теперь уже для нея было ясно все! Ея дочь Катя была жива, находилась гдѣ-то всего въ двухъ часахъ пути отъ нея и если теперь поспѣшить, то, кто знаетъ?— быть можетъ счастье еще впереди?

И, полная радостной надежды, она усѣлась въ экипажъ и усадила рядомъ съ собою и Маргариту. Бичъ щелкнулъ, загудѣлъ рожокъ, зазвенѣли бубенчики и монастырь скоро остался позади.

— Тетя, куда мы? задала дѣвочка вопросъ.

— Туда, гдѣ тепло, отвѣтила ей Евгенія Федоровна,— въ Италію! Намъ нужно кое-кого догнать!

И передъ ними потянулись горы, на нихъ скоро зазеленѣли лѣса, а потомъ стали попадаться пышные пажити и зеленныя долины, вдоль которыхъ мелькали бѣлыя деревушки и цвѣтущіе сады. Въ лицо задулъ теплый ароматный вѣте-

рокъ, и когда наступилъ вечеръ, то высоко на темномъ, бархатномъ небѣ замерцали милліоны звѣздъ. И чѣмъ далѣе спускался въ Ломбардію экипажъ, тѣмъ Евгенія Ѳедоровна становилась все нетерпѣливѣе и нетерпѣливѣе, ей хотѣлось выскочить изъ него и побѣжать впередъ, чтобы догнать бабушку Наталію Кирилловну и Катю.

— Скорѣй! Скорѣй! торопила она кучера.—Еще въ полдень они были отъ насъ всего только въ двухъ часахъ!

— Я стараюсь, сеньора, отвѣчала ей кучеръ.—Но мои лошади мало отдохнули въ монастырѣ и еле бѣгутъ... Дилижансъ долженъ быть гдѣ-нибудь близко впереди насъ и если мы его не догонимъ на пути, то все равно застанемъ его въ Миланѣ. Всѣ путники будутъ ночевать въ Миланѣ.

Наступилъ вечеръ, тихій, нѣжный, ароматный. Потянулись отовсюду запахи цвѣтовъ и около красивыхъ виллъ, которыя стали попадаться на пути, стали раздаваться звуки мандолинъ и сладкіе, итальянскіе голоса. То и дѣло встрѣчались экипажи и съ каждымъ оборотомъ колеса было все замѣтнѣе, что приближались къ большому, прекрасному городу. Но вотъ ужъ послѣдняя остановка. Здѣсь кучеръ только попоить лошадей и тотчасъ-же отправится дальше. Выходитъ изъ гостинницы

хозяинъ и съ вѣжливымъ поклонамъ освѣдомляется у Евгеніи Ѳедоровны, не желаетъ-ли она зайти къ нему и отдохнуть, или-же просто выпить молока или сельтерской воды?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ Евгенія Ѳедоровна.—Я спѣшу поскорѣе въ Миланъ.

— Сеньора вѣроятно ѣдетъ съ горъ? освѣдомляется трактирщикъ.—Говорятъ, что вчера въ горахъ была ужасная метель. Благополучно-ли сеньора прослѣдовали черезъ горы?

— Благодарю васъ, отвѣчаетъ Евгенія Ѳедоровна.—Но не проѣзжалъ-ли здѣсь сегодня дилижансъ изъ Люцерна?

— Такъ точно, сеньора, онъ проѣзжалъ здѣсь всего только часъ тому назадъ. Изъ него вылѣзали еще какая-то старушка и съ нею двое дѣтей—дѣвочка и мальчикъ. Они пили у меня молоко.

— А какихъ лѣтъ была эта дѣвочка?

— Небольшая, сеньора, совсѣмъ еще дитя. Лѣтъ четырехъ или около пяти... Я отлично помню, какъ старушка называла ее Катта, а мальчика—Косто.

— Быть можетъ, не Катта, а Катя? еле преодолевая волненіе, спросила Евгенія Ѳедоровна.

— Очень возможно, сеньора, очень возможно! отвѣчалъ трактирщикъ.—Эти иностранныя имена такъ трудны для произношенія!

Боже мой! Она всего только въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ своей родной дочери, которую не видала уже такъ давно и о которой столько уже времени томится ея душа! Всего только какой-нибудь одинъ часъ пути отдѣляетъ ее отъ Кати, съ которой такъ неожиданно столкнула ее судьба! И ей кажется, что лошади слишкомъ долго пьютъ воду, что кучеръ слишкомъ медленно завязываетъ на нихъ уздечки и затѣмъ цѣлую вѣчность влѣзаетъ на козлы, надѣваетъ перчатки и беретъ свой кнутъ.

— Скорѣе! Скорѣе! кричитъ она ему.—Если вы, Луиджи, догоните дилижансъ, то я щедро дамъ вамъ на чай.

Луиджи и самъ спѣшитъ. Онъ знаетъ, что русская барыня торопится, а когда русскія барыни спѣшатъ, то даютъ много на чай. И онъ удвояетъ силу бича и его усталыя лошади, зачуявъ близость города, весело бѣгутъ по шоссе.

Но вотъ уже и Миланъ. Горятъ фонари, взадъ и впередъ проѣзжаютъ экипажи, въ разныхъ концахъ города играютъ оркестры и гуляютъ прохожіе. Еще не поздно и въ ярко освѣщенныхъ окнахъ магазиновъ пестрѣютъ роскошныя товары. Евгенія Ѳедоровна оглядывается по сторонамъ и ей кажется, что вотъ-вотъ въ этой пестрой, радостной толпѣ мелькнетъ сейчасъ незнакомая ей старушка

и съ ней Катя, которая и не подозреваетъ, что ея родная мать жива и находится такъ близко отъ нея. Маргарита спитъ въ экипажѣ, положивъ головку Евгеніи Ѳедоровнѣ на колѣни и не слышитъ ничего.

— Куда прикажете, сеньора? обратился къ Евгеніи Ѳедоровнѣ Луиджи.

— Туда-же, гдѣ остановился и дилижансъ! отвѣтила она.—Мнѣ нужно повидать одну даму, которая пріѣхала въ немъ сюда изъ Люцерна!

Кучеръ опускаетъ глаза и дѣлаетъ виноватое лицо.

— Простите, сеньора, отвѣчаетъ онъ.—Я не знаю, гдѣ здѣсь останавливается дилижансъ... Но, быть можетъ, вы пожелали-бы остановиться въ гостинницѣ „Зеленаго Льва“? Это очень хорошая гостинница и въ ней останавливаются одни только лучшіе графы и князья.

Это поразило Евгению Ѳедоровну въ самое сердце. Такого отвѣта она не ожидала. Не ужели-же она такъ и не найдетъ здѣсь свою дочь? Что, если она сойдетъ сейчасъ съ экипажа и отправится на поиски за дилижансомъ сама? Но она была женщина, была уже ночь и передъ ней развертывался громадный итальянскій городъ, въ которомъ она не бывала еще ни разу. И не зная, что дѣлать и что предпринять, и ломая отъ отчаянія

руки и проклиная свою судьбу, она почувствовала вдругъ, какъ какой-то комоеъ подкатилъ ей къ самому горлу и какъ слезы были готовы выступить у нея на глаза. Но она сдержалась, подавила въ себѣ это желаніе плакать и спокойно приказала Луиджи:—

— Хорошо, везите меня въ гостиницу „Зеленый Левъ“.

Гремѣли камни мостовой, мелькали фонари и все еще играла музыка и слышались веселые голоса прохожихъ. Но Евгенія Федоровна уже не видѣла и не замѣчала ничего и только мысленно повторяла:

— Они навѣрное проведутъ здѣсь эту ночь! Завтра, съ утра, я примусь за поиски сама и буду дежурить на вокзалѣ весь день. Если-бы они захотѣли куда-нибудь отсюда уѣхать, то здѣсь уже желѣзная дорога и я все равно найду ихъ на вокзалѣ. Ахъ, если-бы только знать, гдѣ они остановились сейчасъ!

А маленькая Маргарита все еще спала, положивъ головку къ ней на колѣни, и ей снились ея покойная мать, пріемная сестренка Кетти и добрая старушка фрау-Назаровъ, которая уѣхала на родину и теперь была отъ нихъ такъ далеко.

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Если ударятъ колоколь, будутъ-ли звонть?

II.

Двѣ ноги сидѣли на четырехъ ногахъ и держали одну ногу. Вбѣжали еще четыре ноги, схватили одну ногу и бросились бѣжать. Тогда вскочили двѣ ноги, схватили четыре ноги и швырнули ихъ въ пять ногъ.

Какъ это случилось?

III.

Когда я входилъ къ себѣ въ кабинетъ, то увидѣлъ въ зеркало,

что въ кабинетъ входилъ какой-то господинъ. Я узналъ въ немъ, что это былъ сынъ моихъ матери и отца, но мнѣ вовсе не братъ. Кто это входилъ въ кабинетъ.

IV.

Когда человекъ двигается пѣшкомъ скорѣе, чѣмъ курьерскій поѣздъ?

V.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Домашняго вреднаго грызуна.
- 2) То, что мы пересылаемъ черезъ почту.

3) То, чѣмъ торгуютъ въ лавкахъ.

Взять отъ этихъ словъ по послѣднему слогу и составить изъ нихъ названіе чисто-русскаго изобрѣтенія, составляющаго принадлежность каждой русской семьи.

Что это?

VI.

Названіе хищнаго пушнаго звѣря и тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ живетъ, имѣютъ одинаковое количество буквъ. Если въ названіи звѣря замѣнить букву „и“ буквой „ѣ“, то получится названіе мѣста, гдѣ онъ живетъ.

Какія это слова?

VII.

Задуманы три слова, означающія:

1) То, что у стадныхъ животныхъ есть на ногахъ.

2) То, что живетъ въ водѣ.

3) Плотничій инструментъ.

Взять отъ этихъ словъ по первому слогу и составить изъ нихъ новое слово, означающее вещь, необходимую въ хозяйствѣ. При этомъ, если второй слогъ отъ перваго задуманнаго замѣнить первымъ слогомъ отъ втораго задуманнаго слова, то получится опять тоже самое новое слово.

Какое это слово?

VIII.

Почему пароходы плаваютъ безъ вѣтра?

IX.

Къ названію большой рѣки приставлена буква „и“ и получилось названіе птички. Какая это рѣка и какая это птичка?

Рѣшеніе ребуса № 6, помѣщеннаго въ № 6 «Золотого Дѣтства».

Чело+вѣкъ+а+часъ+то+изба+въ вляеть+отъ+н+ужь+дыра+з+судокъ. = Человѣка часто избавляетъ отъ нужды разсудокъ.

Вѣрныя рѣшенія прислали:—Андрюша, Шура, Оля и Паия Ильинскіе. Нюма—мальчикъ съ пальчикъ изъ Николая, Нина и Валя Свѣжидцевы, Игорь и Лара Машковы, Валя Сивчугова, Лена, Зина и Нюра Коноплевы, Петя Рябцевъ, Коля и Сережа Павловы изъ Харькова, Огаревъ изъ Кронштадта, Женя и Гриша Юревичъ, Таня и Марина Ляхницкія, Зюка и Фима Домбровскіе, Петя Тихонравовъ изъ Коврова, Юра и Сережа Думаревскіе, Коля Думаревскій, Вася, Костя и Аля Федоровы изъ Владиміра, Витя Мневъ, Тася и Катя Глазуновы изъ Суджи,

Димочка Трещенковъ, Зоя и Ида Сѣтъ, Толя Важинскій, Борисъ Соловьевъ изъ Кіева, Георгій Соловьевъ изъ Кіева, Шурочка Живченко, Коля, Муся и Катя Никитины изъ Кіева, Гриша и Саша Бутаковы, Тамарочка, Борисъ и Володечка Тренины, Жоржикъ и Сережа Петровы изъ Серебрянныхъ прудовъ, Сережа Калашниковъ, Дуся, Валя и Сергій Маторины, Петя и Тина Урбасъ, Женя Криворотченко, Левъ Страшный, Лена, Коля и Шура Меньшова, Лидія и Анатолій Галибины, Жоржикъ Труссъ, Лили и Кики, М. Арефьевъ изъ Алешекъ, Нина Семёнова изъ Ашева, Ида, Люба, Саша и Лена Левицкіе, Павлуша Бойко, ученицы Моск. Женск. Гимназ. Общ. Преп.—А. Дозорова, В. Кандіано, Т. Лебедева, Д. Тарарухина, С. Иванова, Зоя Кузнецова изъ Усть-Медвѣдицкой, Марина Данилова изъ Москвы, Ташечка Долганова, Сергій и Павелъ Лисенко, Женя Гиккель, Туся Попе-

Очень рекомендуется! новая книга для дѣтей:

Цѣна 40 коп.
Съ пересылкой 55 коп.

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Выписывать изъ Редакціи „Золотого Дѣтства“.

Повѣсть эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.

Ребусъ № 8.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

лишева, Вадимъ Лыжинъ, Сережа Зоновъ, Шура Васильевъ изъ Кутаиса, Шура Яхонтовъ, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ, Александръ Усь, Кн. Ксенія Оболенская, ученицы Угловской женской школы—Зоя Лаврентьева, Тоня Гаврилова, Соня Бичъ, Матреша Михайлова, Настя Кузнецова и Тоня Васильева, Саша Лозовскій, ученики Духовнаго училища: Павлуша и Жена Малишевскіе, Милица, Лиза и Алеша Ивановы, Юля Эрдманъ, Ира и Костя изъ Порхова, Нюра Молчанова изъ Гостилицъ, Володя Новицкій, Петя Кротовъ изъ Кисловодска, М. Брамсонъ, Надя Розенблитъ, Вара Наумова въ Спб., Елена Дроздова изъ Стрѣльны, Мимуся и Муся Емельяновы, Эдуардъ Хаикинъ, Воря Васильевъ-Искровъ, Володя и Оля Дьяконовы въ Спб., Игорь Максимовъ, Надя Похилевичъ, К. Чарноцкій и «Добрая Фея», Лида и Леля Рѣдко, Георгій Карцовъ и Сергій Давыдовъ, Юрій Ташейтъ, Игорь Машковъ, Лиля, Жения и Валя Татаринины, Ваня Варсоба, Маня и Ваня Чебаевскіе, Шура и Ляля Машковскія, Тася Долганова, Вѣрочка Блохъ, Кира Поддѣсская, Ося Маргулиесъ, Саша Топольницкій, Тани, Володя, Жения и Коля Хаджи—Коли, Фаина Григорьева изъ Оша, Котюкъ и Дмитрусь Брейеры, Маня Тюльпанова, Надя Иванова изъ Ташкента, Маруся Кострицкая, Наташа Яковлева уч. II класса, Воря Боловникъ, Слава Кривококовъ, Лидія Пузырева, Митя Кононовъ, Андруша Жуковъ изъ Нарвы, Олегъ Кашкаровъ, Митя Дзввановскій, Валя и Котя Сизовы изъ Харькова, Зоя Бондаревская, Нюта и Володя Логачевы, Нина Асланова, Лева Флеровъ, Зина, Саша, Муся и Жения

Шаповаловы, Вова Богдановъ изъ Старога-Окола, Аня Крымъ, Лея Кащенко, Геля Жинкина, Шура и Володя Фомины изъ Щигровъ, Жения Ямпольскій, Толя Охотникъ, Вова Зенинъ, Нюня и Роза Шерстинскія, Микуса и Шурочка изъ Кременчуга, Танечка, Вѣрочка, Галочка и Кирочка изъ Бердянска, Лида Ландманъ, Жучекъ Яночка и Рыжикъ изъ Севастополя, Наумъ, Фрида и Сорочка Свердловы, Федя Айвазъ-Бакаль, Марго Мазюкевичъ, Жоржикъ Макаревичъ, Оля, Ося и Яша Покрасса, Маруся Макаревичъ, Галя, Витя и Воря Знавенко, Викторъ Лазо, Костя Суруновъ, Вася Туркевичъ, Ксавриъ Сухаржевскій, Веня Цфасъ, Павелъ Браншау, Лена Костеничъ, Коля, Катя и Петя Фриштуль, Аля, Катя и Нина Спиropy, Коля, Гречачевскій, Катя Самсонова, Ася Яковлева изъ Глухова, Лидія Набока, Павлуша Мажара, Александръ Глыбовскій, Лена Чурюкалова, Лея Павленко, Зина Соколовская, Марина Миклашевская, Володя Кульманъ, Нина и Алексій Лебедевы изъ Покрова, Нина Косменко, Володя Новицкій, Валя Невская, Палька—Кренделекъ и Александръ Соловьевъ, Оля и Леся Чеботаревы, Аня Алавердова, Мистеръ Котъ, Зина Сапожкова, Ваня Чуфаровъ, Сурхай-Хасай Гаджиевъ изъ Новой Бухары, Вѣра Котларъ, Сеня Рагозина, Сережа Гульянцъ, Сережа Лебедевъ изъ Зубцова, Рида и Галя Мантулины, Нина и Валя Свѣжинцевы, Ваня Филипенко, Соня и Нина Конашинскія, Сережа Бургеръ, Анатолий Важинскій, Нюма изъ Никополя, Слава и Тася Пракайтисъ, Лара Чумакова, И. Б. Швейцеръ, Вася Туркевичъ.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ.

Годъ 6-й

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1913 годъ

на художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

—❖❖ Подписной годъ съ 1-го Ноября. ❖❖—

Выходить два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

≡ Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.
ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.).
12 ВЪРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

ОСОВОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга сказокъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ подъ заглавіемъ:

—≡ „АНГЛИСКІЯ СКАЗКИ“ ≡—

Въ нее войдетъ большая веселая повѣсть-сказка:

„АЛИСА ВЪ ВОЛШЕБНОЙ СТРАНѢ“.

≡ Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смѣлки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.